

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 342.9

ЦЕЛЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ

А. Н. Дерюга

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного права
и административно-служебной деятельности органов внутренних дел
Дальневосточного юридического института МВД России
(г. Хабаровск)

С. Н. Шаклеин

адъюнкт Дальневосточного юридического
института МВД России (г. Хабаровск)

В статье исследуется цель административного наказания, которая, по мнению авторов, заключается не только в общей и частной превенции административных правонарушений, но также в формировании у административных делинквентов стойкой привычки правомерного поведения.

Доказывается необходимость развития визуально-вербального контакта между правоприменителем и нарушителем в процессе назначения административного наказания в ответ на расщиряющийся в законодательстве его упрощенный порядок, который минимизирует или исключает живой контакт правоприменителя и правонарушителя.

Ключевые слова: административное наказание, цель административного наказания, частная превенция, общая превенция, воспитание.

Большое количество совершаемых административных правонарушений, в том числе повторных, вызывает необходимость исследования их причин. Одной из них является низкая эффективность применения и исполнения административных наказаний.

Это, в свою очередь, усиливает актуальность исследования административного наказания, в том числе ее цели.

В копилку научных знаний о сущности наказания, полученных в результате поиска его цели, были положены не просто разные определения рассматриваемого понятия, а самостоятельные научные теории.

В этом смысле поиск цели наказания выступает не столько конечным результатом применения правовой санкции, сколько самостоятельным объектом пристального внимания административной пенологии. Вызвано это необходимостью определить вектор воздействия нормы права и ее правоприменителя в отношении нарушителя, лежащий в шкале от примитивной кары до тонких форм гуманного принуждения.

Однако то, какое направление будет преобладать, к чему в конечном итоге будут стремиться все усилия по изменению законодательства, а в соответствии с ним и правоприменитель, во многом зависит от базиса, официально установленной цели административного наказания.

Учение о цели наказания на протяжении истории не являлось статичной категорией и менялось по мере развития общества.

Так, теория возмездия, относящаяся к наиболее раннему учению, сводила цель к каре, воздаянию злом за зло и искуплению вины. И. Кант, обосновавший учение о нравственности и законе, утверждал: преступника необходимо признать подлежащим наказанию до того, как возникнет мысль о том, что из этого наказания можно извлечь пользу для него самого или для его сограждан. Достижение абстрактной справедливости

он считал возможным только посредством применения права возмездия (*jus talionis*) — наказание должно быть равно причиненному ущербу: «То зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслуживающему его, ты причиняешь и самому себе. Оскорбляешь ты другого — значит, ты оскорбляешь себя; крадешь у него — значит, обкрадываешь самого себя; бьешь его — значит, сам себя бьешь; убиваешь его — значит, убиваешь самого себя» [1, с. 256].

Дальнейшее развитие научной мысли привело к появлению утилитарных теорий (теории устрашения, предупреждения, исправления, заглаживания вреда). По мнению авторов этой группы теорий, единственную и исключительную цель карательной деятельности государства составляет прямое или косвенное устранение последствий преступления. Оно служит ее теоретическим и практическим оправданием [2, с. 18; 3, с. 56; 4, с. 22, 31, 47, 140].

Современные представления о цели наказания сочетают в себе признаки всех теорий, представленных выше в различном соотношении. Такие теории можно назвать синтетическими, т. е. сформированными на основе синтеза имеющихся мнений. Так, цели наказаний по данным теориям — это кара (возмездие) и устрашение, общая и специальная превенция, а также исправление виновного. Разница в указанных теориях лишь в том, какие из перечисленных целей считаются приоритетными. Так, более двухсот лет назад Ч. Беккария указал на то, что цель наказания заключается, в первую очередь, в предупреждении новых деяний, способных нанести вред согражданам, и в удержании прочих от аналогичных действий [5, с. 105]. Этот взгляд на цель наказания закреплен в современной административно-деликтной политике Российской Федерации.

Возникает вопрос: зачем нужны такие исследования?

Дискуссии о целевом назначении наказания порождают достаточно обширные знания о том, на что оно направлено и какие внутренние качества правонарушителя оно затрагивает (или должно затрагивать), а значит, способно изменить. Это, в свою очередь, становится основой целенаправленных прикладных выводов и соответствующих им предложений по изменению и внесению дополнений в закон, призванный повысить эффективность государственно-правового механизма применения наказания как минимум в двух направлениях. Первое определяет характер подобранных видов и размеров административных наказаний в законодательстве. Второе — подходы в способах принятия соответствующего решения и его применения.

Например, такая цель административного наказания, как устрашение, побуждает выбирать виды и размеры наказания, свойственные каре, имеющей несоизмеримо большее негативное воздействие на нарушителя, чем то деяние, которое он совершил. Эта же цель отражается и в выборе способа применения таких наказаний — в максимально публичной форме, неоднократном обсуждении в будущем деталей этого административного наказания. Важно подчеркнуть, что такая цель делает ненужным (излишним) живой контакт между правоохранительными органами и правонарушителем, так как достигается лишь самим наказанием, подобранным таким образом, чтобы вызвать у наказуемого физическое и (или) психическое страдание.

В этом смысле установленная в ч. 1 ст. 3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [6] (далее — КоАП РФ) современная цель административного наказания достаточно примечательна. На первый взгляд и с учетом действия ч. 2 указанной нормы никакой критики она не вызывает, если пренебречь ее статусом — быть вложенной в смысл любого решения о назначении и об исполнении административного наказания.

Что имеется в виду? Срабатывает следующая цепочка. Предупредить — значит наказать. Следовательно, для предупреждения совершения нового административного правонарушения достаточно лишь этого. При совершении повторного административного правонарушения, что, согласно п. 1 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ, считается отягчающим

обстоятельством, применяется более строгая мера наказания, например, ч. 6, 7 ст. 12.9 КоАП РФ. Если это не дает результатов, применяется институт административной преюдиции (например, ст. 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [7]) или на законодательном уровне решается вопрос об изменении административных санкций соответствующих норм КоАП РФ или законов субъектов РФ об административных правонарушениях на более суровые, например ст. 12.7 КоАП РФ.

Если пренебречь принципом гуманизма, который применяется лишь к особым группам административных делинквентов, налицо явно выраженная карательная функция, безучастная к обстоятельствам совершенного правонарушения. Это подтверждается распространенной практикой шаблонного вынесения постановлений о назначении наказания, а также повсеместным внедрением автоматизированных технологий (бесконтактных) выявления и рассмотрения дел об административных правонарушениях (примечание к ст. 1.5 КоАП РФ).

Вместе с тем еще до принятия Кодекса РСФСР об административных правонарушениях [8] профессор И. И. Веремеенко отмечал необходимость сочетания в цели трех начал: кары; исправления и перевоспитания лиц, совершивших правонарушение; предупреждения совершения новых проступков и преступлений как лицом, подвергнутым наказанию, так и иными лицами [9, с. 170].

Да, смысл любого наказания заключается в воздействии на поведение наказуемого, но с какой эффективностью это происходит, зависит от его качества. На наш взгляд, постановления-шаблоны имеют только одно качество — сократить время между совершением административного правонарушения и привлечением виновного к ответственности, сохранить в памяти тесную связь между деянием и последствием за него. Вместе с тем на сколько это проникает в сознание наказуемого, меняет стереотип его поведения? Меняет, но не в сторону уважения к правилам, закону и правоприменителю, а скорее формирует бдительность не попасться еще раз.

В этом смысле профессор А. С. Дугенец очень точно отметил: «Статья 3.2 КоАП РФ определяет построение системы административных наказаний по схеме «от менее строгого к более строгому». Этот фактор сам по себе презюмирует предупредительно-профилактическую функцию административных наказаний — от предупреждения (убеждения) к аресту (принуждению). Но сам потенциал механизма правоприменения в сфере административной юрисдикции не будет работать: его надо проводить в действие через воспитание» [10, с. 19].

На наш взгляд, для повышения эффективности социально-правовой системы защиты общественных отношений цель административного наказания должна быть прикладной, простой для понимания правоприменителя, формирующей в нем не просто грамотное применение закона, а личное отношение к делу и конечному результату. Очевидно, при такой постановке цели правоприменитель будет требовать более конкретных правовых ориентиров, что неминуемо скажется на соответствующей корректировке закона.

В этом смысле с крайней осторожностью, учитывая, какой глобальный правовой фундамент затрагивается, можем предложить научной общественности дополнить дефиницию цели административного наказания словами: «путем выработки (формирования) у них стойкой привычки правомерного поведения». Если вкратце, данная цель должна способствовать такому взаимодействию правоприменителя, нарушителя и других лиц, при котором будет снижаться техническая сторона исполнения закона, но расти воспитательная. Но немного подробнее. Традиционное представление о цели административного наказания (ст. 3.1 КоАП РФ) в первую очередь связано с частной и общей превенцией административных правонарушений. Это предопределяет использование таких видов административных наказаний, которые минимизируют физическое и психическое страдание правонарушителя и вместе с тем способны вызвать отрицательные

эмоции, достаточные для изменения сознания и будущего поведения наказуемых и других лиц. Это предполагает включение в закон достаточно разнообразного арсенала административных наказаний, возможность использования их в сочетании друг с другом, исключать применение некоторых из них в особых случаях и даже отменять их дальнейшее действие в отношении нарушителей, например административный арест (ч. 5 ст. 32.8 КоАП РФ) или временное приостановление деятельности (ч. 3 ст. 32.12 КоАП РФ).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эффективность решения о применении административного наказания в современном российском законодательстве измеряется степенью его справедливости, близостью оценки его уровня между правоприменителем, правонарушителем и другими гражданами.

Становится очевидным, что подбор конкретного вида и меры административного наказания, соответствующего поставленной цели, является самой сложной и в то же время самой важной задачей в административно-юрисдикционном процессе. Повлиять на поведение правонарушителя не устрашением, а путем признания собственных ошибок, осознанием своей вины, означает позитивно изменить будущее поведение правонарушителя, основанное на переоценке его внутренних убеждений.

Если так считать, то возникает вопрос: а насколько способна санкция сама по себе, даже тщательно подобранная, изменить сознание и поведение правонарушителя и других граждан?

Очевидно, для этого требуются отдельные административно-пенологические исследования. Вместе с тем частично об этом можно судить по анализу действия технических средств выявления административных правонарушений, которые работают в автоматическом режиме, и по соответствующей практике привлечения к административной ответственности, исключая вербальный контакт правоприменителя и правонарушителя.

Статистические данные красноречиво доказывают, что в местах установки указанных выше средств количество нарушений резко снижается, что формирует вывод о высокой эффективности применения административных наказаний. Однако при более глубоком изучении этого способа предупреждения административных правонарушений обнаруживается, что полученное снижение является не продуктом достижения цели административного наказания, а результатом соблюдения правил собственной безопасности всеми, кто попал под действие технических средств наблюдения, до тех пор, пока эта опасность не миновала. Подтверждением этому является спрос на технические устройства, способные своевременно предупредить о наличии других, опасных с точки зрения оценки правомерности поведения. Примером могут служить общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения, где автомобиль представляет собой не только техническое устройство, способное быстро, комфортно и надежно переместить людей и грузы, но и сложный радиоэлектронный комплекс, позволяющий относительно безопасно для владельца транспортного средства нарушать правила дорожного движения.

На наш взгляд, такие способы предупреждения административных правонарушений не формируют устойчивое правомерное поведение в будущем, а скорее наоборот — маргинальное мышление и соответствующее ему поведение.

Между тем внутренняя установка: «Я не буду нарушать правило, потому что это опасно (вредно) для меня» — должна смениться на другую установку: «Я не буду нарушать правила, потому что это опасно (вредно) для всех». Как этого добиться при применении административного наказания? На наш взгляд, эффективное достижение цели административного наказания, установленного в его официальном определении, показывает лишь одно из двух упомянутых выше направлений. Это тщательно подобранный вид и размер административного наказания. А вот другое направление — найти максимально эффективный способ принятия соответствующего решения и его применения — постепенно сводится к нулю.

В результате технического прогресса второй подход, как уже выше упоминалось, развивается в сторону автоматизированных процессов, делая минимальным участие в нем правоприменителя. Такой заочный способ разрешения административно-деликтных отношений заманчив по нескольким причинам: делает возможным поддержание всепогодного и круглосуточного режима административного надзора, беспристрастной фиксации правонарушений, оперативным и экономичным процесс принятия решения по делу об административном правонарушении, исключает коррупцию. Вместе с тем имеются и негативные факторы: невозможность своевременного пресечения административного правонарушения, зависимость от сложных технических и технологических цепочек, поддерживающих жизнеспособность автоматизированных систем, надежность которых еще далека от совершенства, и, наконец, отсутствие визуально-вербального контакта между правоприменителем и правонарушителем.

Последний фактор изучается психологией, но имеет особое значение в рамках настоящего исследования и, на наш взгляд, влияет на частную превенцию не меньше, а в отдельных случаях даже больше, чем само административное наказание. Данный вывод основан на достаточно известном утверждении о том, что главным оружием человека является слово. Удивительно, но в век информационного взрыва, развития технологий кибервойны, где слово и усиливающие его эффект фото- и видеоматериалы являются главным оружием, правоохранительное законодательство, а за ним и правоприменитель, постепенно отказываются от этого инструмента.

Еще Аристотель говорил: «Слово — самое сильное оружие» [11, с. 41], а Сократ: «Кого не бьет слово, того не будет бить и палка» [12, с. 81].

Применяемые административные наказания без вербального взаимодействия правоприменителя и нарушителя становятся бездушными, не проникают в сознание наказуемого, а значит, и не меняют его.

Так как предмет настоящего исследования связан с административным наказанием, рассмотрим важность очного взаимодействия правоприменителя и правонарушителя лишь на стадии принятия решения по делу об административном правонарушении.

Такой процесс, независимо от формы (очно или заочно), основан на коммуникации.

Коммуникация в широком смысле слова — это обмен информацией между индивидами посредством общей системы символов [13, с. 204].

Различают механистический и деятельностный подход к коммуникации. Коммуникация в механистическом подходе — это однонаправленный процесс кодирования и передачи информации от источника и приема информации получателем сообщения [14, с. 131]. Коммуникация в деятельностном подходе — это совместная деятельность участников коммуникации (коммуникантов), в ходе которой вырабатывается общий (до определенного предела) взгляд на вещи и действия с ними [15, с. 193].

Очевидно, при автоматизированных процессах на стадии принятия решения о привлечении к административной ответственности используется механистический (заочный) подход в коммуникации, при традиционных процессах — деятельностный (очный).

Этот несложный вывод является ключевым в понимании эффективности цели административного наказания, достигаемого сочетанием двух предложенных выше путей — заочным и очным. Первый путь — однонаправленный процесс, исходящий от правоприменителя в сторону правонарушителя без обратной связи, основан исключительно на ранее добытой информации и полностью зависим от нее. Второй путь, наоборот, — совместный процесс взаимного обмена данными, и существует он для того, чтобы добыть дополнительную информацию. Это необходимо для окончательного разрешения задач, указанных в ст. 24.1 КоАП РФ, при производстве по делу об административном правонарушении.

Разрешение процессуальных задач формально основано на нормах раздела 4 КоАП РФ, в рамках правового регулирования экспертизы, процессуального статуса

участников производства по делу об административном правонарушении, регламентации процессуальных действий правоприменителя, их оформления в процессуальных документах. Это необходимо для закрепления доказательств вины (невиновности) лица, совершившего правонарушение, смягчающих и (или) отягчающих и других обстоятельств дела, обеспечения конституционных прав на защиту и т. д. В то же время происходит то, что в нормах права закрепить сложно или вообще нельзя, — возникновение визуально-вербального контакта.

О социально-правовой недооценке его использования в процессе рассмотрения дела можно судить по тому, насколько закон дает широкие возможности сторонам не видеть и не слышать друг друга, даже в случае возбуждения дела об административном правонарушении традиционным способом, без использования технических устройств, работающих в автоматическом режиме.

Эта возможность:

- составления протокола об административном правонарушении без ведома лица, привлекаемого к административной ответственности (ч. 4.1 ст. 28.2 КоАП РФ);
- применения упрощенного производства, т. е. рассмотрение соответствующего дела и назначение административного наказания без составления протокола (ст. 28.6 КоАП РФ);
- вынесения постановления по делу об административном правонарушении в электронном виде (ч. 5.1 ст. 29.10 КоАП РФ);
- пересылки по почте копии постановления по делу об административном правонарушении лицам, в отношении которых оно вынесено (ч. 2 ст. 29.11 КоАП РФ), на почтовый адрес без гарантии фактического его получения адресатом;
- вынесения постановления по делу об административном правонарушении в отношении собственника транспортного средства на основании презумпции вины (примечание к ст. 1.5 и 2.6.1 КоАП РФ).

Проблема реализации общей превенции как цели административного наказания основана на:

- недостаточной информированности граждан о местах и времени рассмотрения дел об административных правонарушениях;
- труднодоступности наблюдения за процедурой рассмотрения дела в силу действия специального режима мест, где она проводится (например, помещения ОВД и других мест, имеющих пропускной режим и т. п.);
- отсутствии элементарных условий для присутствия на соответствующем процессе третьих лиц в силу малой площади помещения или его полной непригодности для наблюдения;
- слабом освещении в средствах массовой информации подробностей состояния и динамики выявления административных правонарушений, количества административно наказанных граждан и юридических лиц.

Обсуждение лишь резонансных случаев, например, в отношении скандально известной Мары Багдасарян, хотя и доказывает наличие беспристрастного правосудия и равенства граждан перед законом, но не формирует общую превенцию административных правонарушений. В силу исключительности обсуждаемого факта и циничности действий лиц, социальный статус которых находится далеко от среднего по стране, такое поведение вызывает лишь любопытство и чувство ожидаемой социальной мести. Проекция такого поведения на себя, а значит, нежелательности его повторения, не происходит.

Все это еще раз доказывает основанную на действующем законодательстве, доминирующую карательную направленность административного наказания, вопреки общепринятому в науке мнению о воспитательной направленности [16, с. 65; 17, с. 653; 18, с. 117; 19], что не может способствовать достижению цели административного наказания.

Почему именно так? Дело в том, что любая цель — это искомый (предполагаемый) результат в будущем, а значит, и цель наказания ориентирована на перспективу, а не на ретроспективу. Но кара, заложенная в наказании, прежде всего связана с прошлым поведением правонарушителя [20, с. 82] и, естественно, влияет на его поведение в будущем, но не как конечный результат, а как одна из функций, формирующих ожидаемый в перспективе позитивный результат.

Это означает, что лишь карательной функции для достижения цели административного наказания недостаточно.

Очевидно, такой подход не только не исцеляет граждан с их асоциальными наклонностями, но даже не формирует уважение к закону и правоприменителю. Как уже было отмечено, и в такой обстановке наказание влияет на будущее поведение граждан, но формирует в нем другие качества — умение избежать фиксации совершаемого им административного правонарушения. Доказательством этому может служить большая популярность у водителей транспортных средств антирадаров, а также востребованные по местным радиоканалам радиостанции «Авторадио», основанные на сообщениях водителей о дислокации мобильных патрулей дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения. Такая игра в «кошки-мышки» между правоохранительными органами и гражданами сегодня наблюдается повсеместно, делая административные правонарушения еще более латентными.

Теоретически сложившуюся ситуацию можно изменить путем максимальной реализации принципа неотвратимости наказания. Для этого потребуются увеличить количество технических средств автоматической фиксации правонарушений, штат сотрудников правоохранительных органов, привлечь граждан к деятельности по выявлению правонарушений. Дополнительный штат требует высоких бюджетных затрат и увеличивает вероятность коррупции в местах выявления ими нарушения закона. Что касается граждан, то это можно сделать путем стимулирования организации и деятельности народных дружин, казачьих формирований, частных охранных объединений, а также путем индивидуального материального стимулирования успешной «охоты» за административными делинквентами. Однако такая работа требует постоянных и активных усилий со стороны государственной и муниципальной власти по организации и координации этой деятельности, максимальный эффект от которой возможен лишь на короткий период. И если та задача, которая поставлена перед правоохранительными органами в современных правовых реалиях, решается ими не до конца, можно ли ожидать долгосрочного эффекта от соответствующей деятельности граждан, пусть в большем числе, но слабо мотивированных и обладающих гораздо меньшим арсеналом властно-принудительных полномочий?

Таким образом, в силу искусственных процессов поддержания правопорядка усилиями граждан и естественных процессов, которым они призваны противодействовать, эта работа может иметь лишь временный эффект.

Дело в том, что уважение к закону и его защитнику — это ощущение не только их «силы», но и «значимости» для правонарушителя и других граждан. Активация принципа неотвратимости наказания, даже с помощью самих граждан, демонстрирует силу, которая без каких-либо дополнительных мер высоко значима для нарушителя, чаще всего в момент ее демонстрации. Более устойчивый уровень значимости закона и роли его защитников, необходимый для длительного перспективного правомерного поведения, формируется другим путем.

Для того чтобы это понять, необходимо, хотя бы кратко, изучить механизм формирования значимости.

Значимость чего-либо, в том числе закона и его защитников, означает меру их жизненной необходимости для граждан, а также меру вероятности затруднения жизни в случае ослабления роли указанных объектов.

Объект (закон и его защитник) обретает актуальную (высокую) значимость, как только он становится предметом какой-либо потребности. Чем важнее потребность, тем выше значимость ее предмета, а следовательно, и объекта.

Значимость объекта — качество динамичное: сейчас это очень нужно, завтра нужно не так остро, а через неделю не нужно вообще. Следовательно, важную роль здесь играет фактор времени, а значит, если значимость социально важна, необходимо ее поддерживать.

Исследование механизма длительного (постоянного) поддержания значимости социально важных явлений, в том числе соблюдения закона в деятельности правоохранительных органов (их должностных лиц), требует глубоких научных исследований на стыке права, социологии и психологии. Очевидно, необходима продуманная и целенаправленная административная политика по профилактике правонарушений, а применением только административной ответственности этого не добиться. Однако продлить действие значимости на этапе назначения и исполнения административного наказания возможно, рассматривая это как составную часть указанной выше политики.

Таким образом, частью предмета административной педологии должны стать исследования механизма эффективности процесса применения административной ответственности. На наш взгляд, они должны быть направлены на определение условий, способствующих повышению и снижению значимости соблюдения закона и его защитников для граждан, привлекаемых к административной ответственности. Итогом таких исследований могут стать предложения по внесению изменений и дополнений в нормы КоАП РФ, которые регулируют порядок рассмотрения и принятия решения по делу об административном правонарушении, а также порядок исполнения административного наказания. Цель таких предложений — повышение и продление значимости закона и его защитников у административного делинквента.

Очевидно, к праву это имеет отношение лишь тогда, когда на основе предварительных и целенаправленных социально-психологических исследований будет сформирована конкретная методика, с помощью которой можно будет эффективно влиять на будущее поведение административного делинквента путем формирования в нем значимости соблюдения закона и роли правоприменителя в его охране. Утилитарным и обязательным для исполнения инструментом это станет лишь тогда, когда будут приняты соответствующие изменения и дополнения в закон.

Для этого, на наш взгляд, необходимо начать с главного: изменить цель административного наказания в ее правовой дефиниции. Цель административного наказания необходимо дополнить более понятным с точки зрения форм и методов ее достижения смыслом — предупреждение совершения новых правонарушений как самим нарушителем, так и другими лицами, формирование у них стойкой привычки правомерного поведения.

При такой постановке цели возникают условия для более широкой реализации принципов, связанных с особенностями назначения и исполнения административного наказания, а вместе с этим разнообразной практики воздействия на нарушителей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кант, И. Метафизические начала учения о праве / И. Кант. — М. : Мысль, 1965. — 478 с.
2. Кудрявцев, В. Н. Предупреждение преступлений — важная форма борьбы с пережитками капитализма в сознании людей / В. Н. Кудрявцев // Советская юстиция. — 1958. — № 2. — С. 15–19.
3. Устинов, В. С. Цели наказания и их соотношение с целями уголовного законодательства / В. С. Устинов // Защита личности в уголовном праве : межвуз. сб. науч. тр. — Екатеринбург, 1992. — С. 49–58.
4. Шаргородский, М. Д. Наказание, его цели и эффективность / М. Д. Шаргородский. — Л. : ЛГУ им. А. А. Жданова, 1973. — 160 с.

5. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. — М. : Стелс, 1995. — 304 с.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федер. 26 дек. 2001 г. // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. — Дата доступа: 11.03.2020.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федер. 5 июня 1996 г. // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. — Дата доступа: 11.03.2020.
8. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) (ред. от 20.03.2001) // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2318/. — Дата доступа: 11.03.2020.
9. Веремеенко, И. И. Административно-правовые санкции / И. И. Веремеенко. — М. : Юридическая литература, 1975. — 254 с.
10. Дугенец, А. С. Административная ответственность в российском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / А. С. Дугенец ; Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ. — М., 2005. — 34 с.
11. Золотая энциклопедия мудрости: афоризмы великих представителей разных времен и народов — от мыслителей Древнего Востока и Античности до современных деятелей литературы и искусства, науки и техники, политики и бизнеса / А. Иванова [и др.]. — М. : РООСА, 2008. — 598 с.
12. Баязин, В. Н. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия / В. Н. Баязин. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. — 848 с.
13. Морозова, О. Н. Определение понятия коммуникации в современной лингвистике / О. Н. Морозова, О. А. Базылева // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. — 2014. — № 2. — С. 204–211.
14. Насырова, Г. Ф. О роли деловых коммуникаций в управлении организацией / Г. Ф. Насырова // Молодежь и наука: шаг к успеху : сб. науч. ст. 2-й всерос. научн. конф. перспективных разработок молодых ученых. — М., 2018. — С. 131–134.
15. Кашкин, В. Б. Основы теории коммуникации: краткий курс / В. Б. Кашкин. — М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. — 256 с.
16. Агапов, А. Б. Административная ответственность / А. Б. Агапов. — М. : Эксмо, 2007. — 397 с.
17. Кудрявая, А. А. Воспитательная роль административного наказания / А. А. Кудрявая // Молодой учёный. — 2014. — № 3. — С. 653–655.
18. Попов, Л. Л. Управление. Гражданин. Ответственность. Сущность, применение и эффективность административных взысканий / Л. Л. Попов, А. П. Шергин. — М. : Наука, 1975. — 251 с.
19. Россинский, Б. В. Административное право / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. — М. : Норма, 2009. — 927 с.
20. Денисенко, В. В. Административная ответственность в философско-правовом измерении / В. В. Денисенко // Теория и практика административного права и процесса. — Краснодар, 2009. — С. 318–321.

Поступила в редакцию 29.05.2020 г.

Контакты: derjuga@mail.ru (Дерюга Артем Николаевич),
shaklein83@mail.ru (Шаклеин Сергей Николаевич)

Deryuga A. N., Shaklein S. N.

PURPOSE OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENT

The article examines the purpose of administrative punishment, which, according to the authors, consists not only in the general and private prevention of administrative offenses, but also in the formation of administrative delinquents with a persistent habit of lawful behavior:

The necessity of developing visual-verbal contact between the law enforcer and the offender in the process of imposing administrative punishment in response to the simplified procedure expanding in the legislation, which minimizes or eliminates the live contact of the law enforcer and the offender, is proved.

Keywords: *administrative punishment, the purpose of administrative punishment, private prevention, general prevention, education.*